

СЕРГЕЙ АРНО
ВОССТАНИЕ СЛОВ
СБОРНИК
РАССКАЗОВ

16+

Сергей Арно

**Восстание слов.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Арно С.

Восстание слов. Сборник рассказов / С. Арно — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Сборник рассказов, вошедший в новую книгу автора "Восстание слов". В книге собраны лучшие рассказы автора за все время, а так же новые, еще не опубликованные в печати.

Содержание

Рассказы	5
Двери	5
Назло	8
Корчма Тимура	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Рассказы

Двери

Викентий открывал дверь... и просыпался.

Он вставал, умывался и шел на кухню, где жена уже приготовила завтрак, затем одевался и отправлялся на работу. Викентий продавал двери – деревянные, бронированные, межкомнатные и офисные. Заказывали иногда часто и помногу, иногда не очень. Но заказывали в любое время года. Желающие звонили Викентию в офис или писали по электронной почте, а он оформлял заказы.

Двери нужны были всем.

И так было всегда, все пятнадцать лет.

Викентий открывал дверь... и просыпался.

Он вставал, умывался, шел на кухню, где жена приготовила завтрак... В свои внезапно наступившие сорок пять лет он двигался по заданному кругу без остановок. Впрочем, иногда съезжая с него в отпуск на две-три недели, а потом снова возвращался.

И так было всегда.

Хотя нет, не всегда. Раньше Викентий работал на фабрике, производившей платяные шкафы. Но недолго. Как-то услышанная в далеком детстве фраза «скелет в шкафу» напугала его на всю жизнь. Где и от кого он слышал ее, к чему она относилась и какое имела значение, в детстве он не задумывался; но эта фраза засела в мозгу настолько основательно, что он даже перестал спать, со страхом глядя на шкаф, стоявший возле его кровати. И уже будучи взрослым человеком, не мог отделаться от мысли, что их предприятие производит шкафы для скелетов. Даже дома, открывая шкаф в своей комнате, он ожидал, что оттуда вдруг, гремя костями, вывалится чей-то скелет. Он убеждал себя, что шкафы делают не только для них, но и для одежды – все напрасно. Что это была навязчивая, глупая мысль, Викентий понимал, но отделаться от нее не мог. Поэтому, решив отгородиться от своего детства и шкафа со скелетом дверью, перешел в отдел продажи дверей.

Теперь он думал о дверях.

За пятнадцать лет работы в этом отделе он продал тысячи дверей. Он мог с завязанными глазами, на ощупь определить, из чего сделан образец; он чувствовал тепло и фактуру древесины межкомнатных, безразличную пустоту офисных, холодную надежность бронированных входных дверей.

Но он понимал: это чужие двери, в чужие миры.

Иногда на Викентия накатывало. Он вдруг останавливался посреди улицы и смотрел в небо. И чудилось ему, что он живет не свою жизнь, а какую-то чужую. Мимо шли люди, проезжали машины, а он стоял, устремив взор в небо, не двигаясь с места, не шевелясь. Ему казалось, что он нашел бы себя в чем-то другом, а этот мир был для него чужим миром неизвестно куда ведущих чужих дверей...

Постояв так минуту-две, Викентий шел дальше, как будто и не было этой остановки и неба тоже не было – одно движение по кругу и двери, двери... А он сам и не помнил этой остановки, словно проваливался во времени.

Каждое утро, перед тем как проснуться, он открывал дверь в реальный мир... и, позавтракав, отправлялся в офис.

Это случилось солнечным весенним днем, когда Викентий шел на работу...

На него внезапно накатило, хотя это всегда было внезапно. Он остановился, поднял лицо к небу... завизжали тормоза, водитель отчаянно крутанул руль влево и почти ушел от столкновения... но все же по касательной ударил Викентия... тот взлетел над машиной и, провернувшись в воздухе, словно тряпичная кукла, упал на мостовую.

Когда врач «скорой» сделал ему укол, Викентий на мгновение пришел в себя, увидев закрывающиеся дверцы «скорой помощи». От них веяло болью, страхом, отчаянием.

В себя он пришел только через месяц и только наполовину. Сознание его лишилось какого-то важного логического соединения с полушариями мозга. Врачи считали, что ему никогда не вернуться к прежнему состоянию продавца дверей – лучше и не стараться, – поэтому перевели на психиатрическое отделение безнадежно хронических больных, чтобы следить за прогрессом его выздоровления, на которое, впрочем, никто не рассчитывал.

Здесь, в тиши отделения, Викентий нашел себе занятие. Целые дни он стоял у окна и смотрел в небо, затянутое облаками, хмурое, или чистое и радостное – ему было все равно. И это уже не походило на провалы во времени. Врачи называли его состояние стагнацией и надежды на улучшение не предполагали.

Однажды в руки ему попали карандаш и лист бумаги, забытые кем-то из больных. Викентий поставил в углу листа точку, потом еще одну точку, запятую, минус... палку, палку, огурчик... и вышел человек.

Это было неожиданно и странно, рядом на листе он нарисовал еще человечка, домик, самолетик... С тех пор Викентий стал рисовать все, что приходило в голову, врачи поощряли увлечения больных и давали бумагу и карандаши. А он рисовал самозабвенно, рисунки его усложнялись, приобретая отточенность, осмысленность и глубину. С каждым днем он рисовал все лучше. Зарисовывал жизнь больницы, ее пациентов, пейзажи за окнами, сценки в столовой... все, что видел. Но обязательно на каждом рисунке присутствовала одна деталь, не из реальной жизни, из подсознания Викентия. Это была дверь.

Главврач, заметив способности пациента, велел выдавать ему столько бумаги и карандашей, сколько требуется. Рисунки Викентия он собирал в отдельную папку.

Однажды, в задумчивости перебирая его рисунки, главврач заметил одну особенность, которой не замечал раньше. Дверь на всех изображениях выглядела по-разному. На одном – плотно закрытой, на другом – чуть приоткрытой, на следующем – приоткрытой еще больше... Главврач разложил рисунки по мере открывания двери и удивился. Дверь открывалась постепенно: на каждом последующем рисунке все шире.

С этого дня главврач каждый день стал наведываться на отделение, где лежал Викентий, в каждом новом рисунке наблюдая постепенное открывание двери. Ему невыносимо хотелось узнать, что за ней, но он терпеливо ожидал, ежедневно унося в свой кабинет новый рисунок. Но Викентий не спешил, приоткрывая ее медленно, продолжая игру со своим разумом или со своим безумием.

Через три недели главврач держал в руках последний рисунок.

– Все, – глядя на главврача, неожиданно осознано сказал Викентий, как будто вышел из состояния сна разума.

– Что это? – спросил главврач. – Что это за дверью?

– Это шкаф, – пожав плечами, ответил Викентий.

– Просто обычный шкаф? – Главврач, казалось, был разочарован.

– Да.

– А что в нем? – спросил он. – Что внутри?

– Одежда, – ответил Викентий. – В нем нет скелета.

Вскоре Викентия выписали. Врачи не ожидали столь скорого выздоровления, точнее говоря, выздоровления вообще не ожидали, списывая его на темноту человеческой души и неизученность мозга.

После выписки из больницы Викентий не пошел торговать дверями, а занялся живописью, со временем став известным художником-самоучкой. Его картины высоко ценили коллекционеры всего мира. На каждой своей картине он изображает открытую дверь и уголок шкафа из своего детства, в котором уже не было скелета.

Назло

Старушка умерла. Такая бодренькая, такая вертлявая и неутомная, а вот взяла и преставилась. Никто не думал, что умрет она так скоро, да и вообще, что умрет. Бывает, живут такие подолгу, особенно когда никому не требуется или, наоборот, требуется, чтобы умерла – площадь очистила, – а она как раз таки и не умирает, а живет, словно назло. А эта умерла назло.

Так думалось Николаю Ивановичу, ожидавшему в своей комнате приезда «скорой помощи» за усопшей. Уже десяток лет они существовали со старушкой в одной квартире, успели сжиться и друг другу не досаждают. Тем более что большую часть года пенсионер Николай Иванович проводил на приусадебном участке, отведенном ему заводом пиломатериалов, где он четверть века изнурял свое тело работой и откуда вышел на заслуженный отдых.

Участок был невелик, домишко в две комнаты, но, одинокому, ему хватало. Дело на участке находилось всегда, и лето пролетало в заботах о доме, о культурных растениях, об урожае... Из ягод запасливый Николай Иванович готовил варенье, мариновал огурчики, помидоры... Словом, вел безобидную жизнь садовода-любителя. Поздней осенью, когда приходили холода и в летнем домике, несмотря на натопленную печку, становилось зябко, Николай Иванович с дачного участка съезжал и ждал следующего летнего сезона в государственной квартире из двух комнат, разделяя кухню, санузел и ванную с престарелой Марией Петровной, которая сегодня и скончалась.

Страшным для Николая Ивановича была не сама смерть постороннего человека, а ее последствия. Ломался многолетний уклад жизни, на месте умершего человека образовывалась пустота, которую предстояло осознать, привыкнуть. Но всякая пустота по законам жизни должна заполниться, и в опустевшую комнату непременно должен был кто-то вселиться... Вот это-то и страшило Николая Ивановича.

Месяц до самого Нового года Николай Иванович жил в полном одиночестве, успел свыкнуться со своим положением. Но после Нового года в квартиру вселился Страх. Возможно, он вселился не в квартиру, а только в голову к Николаю Ивановичу, но ему стало казаться, что в квартире он не один. Стало даже тесно, и двухкомнатной квартиры им со Страхом не хватало. Иногда туалет оказывался занятым, кто-то жарил картошку в кухне, мылся в ванной... Николай Иванович стал бояться всякой невероятной ерунды: темноты или излишней освещенности помещения, того, что может случиться пожар, голод, всемирная революция, военный переворот... Словом, вещей, которые произойти никак при всем желании не могли. Но потом сознание его переключилось на реалистические события – будущий приезд новых соседей по квартире. Николай Иванович терпеливо стал их ждать. Ему представилось, что это должна быть семья из трех, обязательно из трех человек: муж, жена и мальчик одиннадцати лет (обязательно почему-то одиннадцати лет). Самый на взгляд Николая Ивановича озорной возраст. Он ждал их со дня на день, каждый час, каждую минуту... Иногда, просыпаясь среди ночи, прислушивался, не идут ли.

И наконец дождался.

Как по заказу это оказалась семья из трех человек – именно таких, какими представлял их себе Николай Иванович. Он сделал вид, что никак не отреагировал на их вселение, и старался не замечать новых жильцов. Словно их не было.

Невесть откуда в Николае Ивановиче проснулся мелочный собственник: он ходил по квартире за одиннадцатилетним мальчиком и заставлял его за сидением на его, Николая Ивановича, личной табуретке, пользовании его мылом, вытирании ног о его собственный коврик... Но вместо того чтобы как следует наказать мальчишку, родители смотрели на это сквозь пальцы. Николай Иванович ворчал, что ребенка не воспитывают и неизвестно что из него вырастет, но его не слушали или делали вид, что не слушают. Словно его не было.

Прошло два месяца. И вот в начале весны, придя в кладовку за очередной баночкой варенья, Николай Иванович, к своему ужасу и возмущению, заметил, что из двухлитровой банки варенья убавилось. Кто-то ел клубничное варенье без спроса! Это возмутило Николая Ивано-

вича до глубины души. Сначала он хотел устроить скандал с привлечением соседей и милиции, но потом передумал, решив выследить злоумышленника и поймать его на месте преступления. Подозрение пало на мальчика, и Николай Иванович целый месяц не спускал с него уставших глаз. Но все оказалось бесполезным – изловить хитрого пацана не удалось. После столь долгой и утомительной слежки он взгрустнул, потеряв ко всему интерес. Пессимизм в настроении появился от образовавшейся в голове новой неприятной мысли: «А что если, – думал эту мысль Николай Иванович, – если я так же, как Мария Петровна?.. – Слова “умру”, “смерть” он избегал умышленно, любви к этим понятиям не питая. – Значит, они всей семьей займут мою комнату, будут смыливать мое мыло, вытираться моим полотенцем, есть мое варенье...»

Мысль думалась все дальше и уже жила самостоятельно – без видимого усилия со стороны хозяина головы. Она развивалась, росла, ширилась, ужасая Николая Ивановича мрачностью перспектив, лишая аппетита и сна. Он сделался подозрительным, на кухне перестал оставлять продукты питания, боясь отравы, и даже для продления жизни пробовал бегать трусцой на школьном стадионе, но, опасаясь оставлять надолго квартиру, перестал.

Весна прошла в тревоге, а к ее концу Николай Иванович съехал на дачу к своим культурным растениям: клубничке, кустам смородины, крыжовника...

Как и каждую весну, работы на участке было хоть отбавляй. Это помогло Николаю Ивановичу отвлечься от коммунальных неприятностей. Дни проходили в огороде. Он посадил картошку, удобрил почву и пересадил наконец из-за забора куст сирени, определив ему место возле крыльца. Работа продвигалась вперед, но меньше ее не делалось, зато меньше делалось мыслей о злобном квартирном многолюдии, казавшемся сейчас, в дачном угаре, ушедшим в безвозвратное прошлое.

Когда листочки на деревьях распустились повсеместно, к своему огорчению, Николай Иванович понял, что ошибся и вместо сирени посадил возле крыльца какой-то другой куст. Хотел срубить его, но передумал. А к середине лета на кустике появились черного цвета ягоды, похожие на черемуху. Это были несъедобные и, судя по слухам, ядовитые ягоды – «волчьи». Николай Иванович удивился: как смог спутать сирень с таким не приносящим пользы, некрасивым и даже вредным растением? Но полная хлопот жизнь сада не давала времени для забот, не связанных с предстоящим урожаем и ремонтом дома.

Лето стремительно двигалось к концу, и когда начала зреть на грядках клубника, Николай Иванович решил на пару деньков съездить в город за пенсией, а заодно купить сахарного песка для варенья.

Беспорядок в квартире неприятно удивил Николая Ивановича, и в первую минуту он, уже привыкший к раздольному одиночеству, поразился и, открыв свою комнату, долго, сложив руки замком, сидел на диване. Уже забытая мысль о кончине, которой постоянно ждут от него соседи, вновь засвербела в мозгу. Снова ему чудилось, что соседи, притаившись сейчас за стеной в своей комнате, только и мечтают о том часе, когда он так же, как старушка Мария Петровна... – и тогда они на полных юридических основаниях займут его комнату, будут вытирать ноги о его половик, руки о его полотенце, смыливать, дышать, смотреть... Николай Иванович встал с дивана и в сердцах, им назло, оторвал от обоев на стене в своей комнате полосу.

Два запланированных дня прошли мучительно, с вредом для здоровья, и в конце, уже перед отъездом на дачу, у него непривычно заныло сердце, так что пришлось глотать таблетки.

За два солнечных дня поспела клубника, но обильный урожай не радовал Николая Ивановича. Посещение городской квартиры испортило его настроение, и он уже без давешнего удовольствия делал дачные дела. Шли дни, но время не отдаляло грустных мыслей. Николай Иванович даже впал в какое-то постоянно безразличное, подавленное состояние, словно вместе с ним из города приехала вся семья и живет теперь в его доме. Он машинально собирал урожай, варил варенье из ягод, уже не думая о грядущем изобилии, а больше по многолетней привычке...

Однажды, удобряя кусты смородины навозом, который переносил в ведре, уставший, он остановился возле куста «волчьих ягод» и, поставив ведро на землю, впервые обратил на куст пристальное внимание, подумав, что нужно бы его срубить и на его место посадить, как и задумал, сирень. В мыслях он пожалел, что ягоды имеют вид аппетитный, а в пищу не годятся. Потом поднял с земли ведро и отправился за следующей порцией навоза, но, ступив на борозду, вдруг остановился, пораженный. Минуту постоял, обдумывая мысль, не глядя отбросил ведро в сторону и, не разбирая дороги, большими нетерпеливыми шагами пошел в дом, даже не заметив, что впервые за все пятнадцать лет существования огорода наступил на морковную грядку, оставив на рыхлой земле глубокий след, который тут же стал заполняться водой.

Через несколько минут Николай Иванович вышел из дома преображенный: движения его были энергичными, на лице блуждала загадочная улыбка, на поясе у него болталось детское ведерко, в которое он обычно собирал урожай ягод. На этот раз садовод-любитель Николай Иванович собирал несъедобные, ядовитые «волчьи ягоды». Спелые, они так и просились в рот, но Николай Иванович не поддался искушению – не для себя он собирал ядовитый урожай и не сам собирался есть то, что есть нельзя. Обобрав куст до единой ягодки, он отправился в дом. Через два часа варенье было готово. Давно Николай Иванович не испытывал такого душевного подъема и телесной бодрости. Он заботливо снимал с варенья пенку, глотая слюнки, помешивал специальной ложечкой. Когда варенье остыло, разлил его по чисто вымытым емкостям. Всего оказалась одна литровая и две пол-литровые банки, и еще немного осталось. Машинально он поставил остаток на стол, чтобы съесть с чаем, но, вспомнив, вылил в раковину.

Полюбовавшись на свою работу, Николай Иванович пошел в огород и, разыскав ведро, в котором носил навоз, удобрил кустик, принесший ему урожай. Весь вечер Николай Иванович ходил взад-вперед по комнате, похихатывал над чем-то и напевал тихонько. Спал он, умаявшись от положительных эмоций, крепко, как чистый душой человек.

На другой день с раннего утра Николай Иванович отправился с детским ведерком в лес и бродил в чаще до обеда. Хотя старое его тело измучилось, зато он набрал полную емкость «волчьих ягод», а также полиэтиленовый пакет поганок и, перекусив на скорую руку, почистил их и засолил в ведре. Потом перебрал «волчьи ягоды», тщательно вымыл и стал варить варенье.

Все последние дни лета Николай Иванович трудился не покладая рук с энтузиазмом, как не трудился для себя никогда в жизни. Иногда даже забывая принимать пищу, он блуждал по лесным полянам, собирая «волчьи ягоды», бузину и еще какие-то несъедобные плоды, названия которых не знал. Конкуренты в лесу ему не попадались, поэтому набирал он всегда помногу. Когда закончился сахарный песок, Николай Иванович приуныл, но все так же с рассветом брел в лес и собирал там поганки для засола и прочие вредные и ложные грибы, которые сушил вечерами у печки. Насушив ядовитых грибов целый мешок и насолив ведро поганок, Николай Иванович не унялся, а повырубил на участке культурные ягодоносные кусты и вместо них насажал «волчьих ягод» и бузины, чтобы давали урожай на будущий год. Конечно, весь участок освоить и перекультивировать не удалось – подобралась осенние холода, часто шел дождь. А тут еще сосед по даче – водитель фургона, каждый год отвозивший в город припасы Николая Ивановича, – собрался уезжать, так что много намеченного Николаем Ивановичем осталось на будущий год.

«Только бы они не переехали! – по пути в город тревожился Николай Иванович. – Вдруг им новую площадь дали – тогда конец...»

И когда, открыв входную дверь, вошел в квартиру, то облегченно вздохнул: «Ну, слава Богу!»

Два дня он воодушевленно раскладывал в кладовке привезенные припасы. Ядовитое варенье было трудно отличить от полезного, и, скоро запутавшись, он перестал их распознавать. Засоленные поганки очень напоминали горькушки, сушеные же мухоморы и ложные

белые выглядели совсем как съедобные – и тому, кто не знал, вполне годились для супа. Расставив в кладовой так, чтобы любое «блюдо» можно было достать без труда, Николай Иванович смазал петли машинным маслом, чтобы в хранилище припасов можно было проникнуть тайком, поставил несколько небольших баночек на свой кухонный стол и принялся ждать.

Каждый день он секретно проверял, не тронута ли варенье, не уменьшилась ли горка сухих грибов... Но все оставалось по-прежнему. Тогда он стал хитрить: варил из сухих грибочков суп, как положено, заправляя его картошкой и лучком, отбавлял из банки варенье, чтобы этими манипуляциями приманить и создать ложное впечатление, что Николай Иванович употребляет припасы себе в пищу. Разумеется, суп и смертоносное варенье он тайком сливал в унитаз, но все равно его хитрости ожидаемого успеха не имели.

Эйфория первых радостных дней прошла, и теперь с каждым днем, с каждой неделей Николай Иванович раздражался все сильнее. «Почему же они не едят? – напряженно думал он, запершись у себя в комнате. – Почему не едят?..»

Вся его жизнь обратилась в ожидание. Он дошел до того, что устраивал показательные выступления: ел суп из мухоморов прямо в кухне. Конечно, он не ел, а только искусно делал вид, что ест, громко нахваливая и чавкая супом. Но даже это не помогало.

Николай Иванович приуныл, у него начались затяжные депрессии, во время которых он не проверял целостность продукта, а безразлично жил по инерции. Но зато потом, когда уныние проходило, он, как одержимый, с азартом готовил супчик, проверял «наживку», чувствуя себя хитрым рыболовом, ждущим, когда рыбка заглотит приманку и... Дни кипучей рыболовной активности сменялись унылым безразличием и растерянностью. «Почему они не едят? – думал он, сидя на диване, закрывшись на ключ в комнате. – Почему не едят?» Но ответ на его вопрос дать никто не мог, словно в квартире никого не было.

Но в квартире все ж таки кто-то был. И занимал туалет, вытирал руки о полотенце, топтал коврик и никак не хотел есть ядовитое варенье. Никак не хотел есть! Жизнь сделалась невыносимой. Николай Иванович не спал ночами – ему снова стало страшно за свое здоровье. Часто в снах приходила Мария Петровна, манила его куда-то, он просыпался от страха и тихонько плакал в подушку и ненавидел, ненавидел... Особенно люто ненавидел он в ночь на свое семидесятилетие. Этой-то ночью и пришла в голову Николаю Ивановичу главная мысль в его жизни. И эта мысль указала просвет в его беспросветном существовании.

Встав пораньше, он принялся за свое веселое дело. Намыл грибов, любовно нарезал их, пожарил с лучком и рисом. Тесто для пирога он приготовил по особому рецепту, перешедшему к нему от бабушки. Пирог вышел румяный, пышный, запах от него кружил голову, и Николай Иванович глотал слюнки.

Наполнив хрустальные вазочки различными сортами варенья, вскипятил чайник и накрыл на стол. Стол вышел праздничным – давно не было на его столе такого обилия чайных сладостей. По случаю торжества Николай Иванович надел свой лучший костюм и пригласил соседскую семью.

– Здесь лучшее, что у меня есть. Вот пироги с грибами, варенье. Угощайтесь! – говорил он.

Для примера Николай Иванович щедро наложил себе варенья в блюдце, отрезал пирога.

– Вот, – приговаривал он, – этого вареньица, пожалуй, оно у меня вкусное, пальчики оближете! Вот пирожка...

«Почему они не едят? – между тем думал он, тайком зорко следя за соседями. – Почему?»

– Вот и пирожка отведайте. – Он сделал вид, что откусил от пирога с грибами. Но и это не имело успеха.

«Они, небось, думают, что я так же, как Мария Петровна... А вот вам шиш...»

– Вареньица вот – очень вкусное, сам варил...

«Я не умру, я жить буду! Им назло буду! А вот они...»

– Вот это с красненькими ягодками. Тебе, малыш, наверняка понравится. Съешь ложечку.

Что-то злое, яростное, с чем справиться нельзя, разгоралось внутри Николая Ивановича. Это был уже не рыболовный азарт, а что-то другое, по капле, по чуть-чуть копившееся и вот сейчас набравшееся, переполняющее, выплескивающееся... болезненно рвущееся внутри.

– Чего же вы не едите?! А?! – вдруг закричал он визгливо, привстав и склонившись над столом. – Я-то ем! – Он зачерпнул полную ложку варенья, положил в рот, проглотил. – Видите?! Я-то ем! – Он положил в рот еще одну ложку, потом еще... – Ведь ем, ем! – кричал он, срываясь на фальцет. – Чего вы боитесь?! Я-то ем!

Неторопливо поднимаясь из-за стола, злоба уходила. Она уходила к тому, кто ее ждет.

Корчма Тимура

Никогда не думал, что смерть подберется ко мне так близко и я почувствую ее дыхание на своем лице, увижу ее пустые глазницы... Даже сейчас, по прошествии многих лет, когда я вспоминаю эту историю, мне становится трудно дышать и сердце начинает колотиться в груди.

«Куда нас несет? – думали мы, вглядываясь в мелькающие огни встречных машин». Свет фар выхватывал силуэты деревьев, унылые дома с темными окнами вдоль обочины...

Уже наступила ночь, но ни одна гостиница не попала на пути. Мы всматривались в пронсящие мимо придорожные знаки с надеждой увидеть на одном из них нарисованную кровать: это означало бы, что где-то поблизости находится гостиница и есть надежда, что там окажется свободный номер, где мы сможем принять душ и отдохнуть, чтобы с рассветом вновь двинуться в путь.

Шли вторые сутки, как мы выехали из дома, и все это время я не знал отдыха. Мы, конечно, делали небольшие остановки, чтобы поесть и расслабиться, сидя в машине с закрытыми глазами, но это давало только передышку – иллюзию отдыха. Нужно было спешить, поэтому я гнал на максимальной скорости, на пределе возможностей, и не только своих. Жена Нина полностью разделяла мои невзгоды и трудности, не смыкая глаз следя по навигатору за дорогой. Наступила ночь, а мы все еще не добрались до места. Можно было остановиться переночевать в машине, но что за отдых, когда не вытянуться, не повернуться, когда все плывет перед закрытыми глазами, и ты как будто продолжаешь свой путь! Кроме того, останавливаться на обочине небезопасно. Много разного люда шатается по дорогам. В нашей семье повелось, что за безопасность отвечаю я. А я полагаю, что лучше, рассчитывая шаги вперед, избегать опасности, чем потом пытаться с ней справиться. Но, пожалуй, сейчас, когда пошли вторые сутки за рулем, я уже не отвечал не то что за нашу безопасность, но и за самого себя.

Мы ехали в Феодосию, где купили дачу на горе Тепе-Оба. За окном нашего дома как на ладони расстилается Феодосия, и море с барашками волн, летающими над ним чайками – место счастья и силы.

В VI веке до нашей эры этот город назывался Ардабда, при генуэзцах – Кафа, при турках – Кючук-Истамбул. Здесь торговали рабами, свозимыми со всего Черного моря. Было у него еще одно название – неофициальное – Зурбаган. Мне оно нравилось больше всех, это название дал ему живший и работавший здесь Александр Грин – в юности мой любимый писатель. Украина была в братских отношениях с нашей страной – даже представить то, что произошло в 2014 году, было невозможно. И если бы какой-нибудь безумец сказал, что это когда-нибудь может приключиться, никто бы ему не поверил. Не поверил и я.

Случай этот произошел в 2004 году, когда мы только купили дачу на горе. Ночью, выйдя из ресторана, мы гуляли по набережной, наслаждаясь чистым морским воздухом, сидели на скамейке возле самого моря. Шурша, накатывались на берег волны, в небе светила полная луна, поблескивая на волнах; лунная дорожка бежала к нашим ногам, а мы, любуясь этой дивной картиной, пили из одноразовых стаканчиков крымское вино и были счастливы.

На скамейку рядом с Ниной села женщина лет шестидесяти пяти. Они о чем-то разговаривали. Я не прислушивался, блаженствуя в теплой, ласковой ночи. Таких ночей не бывает в Петербурге – у нас ночью всегда прохладно. Южная крымская ночь нежно обволакивает тебя со всех сторон, проникая под футболку... да и в самую душу. Это волшебное ощущение не объяснить тому, кто не испытывал его, как не объяснить, что такое петербургские белые ночи, – это нужно только видеть.

Изредка до меня доносились обрывки их беседы: «Давно предсказали... Она известная прорицательница...» – говорила женщина. Из чего я заключил, что речь идет о предсказателях и гадалках. Я лично терпеть не могу пророков – я в них не верю, а верю лишь в то, что они хотят выманить у меня деньги, а мне их и самому мало.

Женщина наконец ушла. Пора было уходить и нам. Мы в последний раз выпили за окружавшее нас чудо и пошли домой. До дома на горе мы добирались козьими тропами, по которым еще до нашей эры, должно быть, ходили древние римляне, аланы и турки, а вот теперь поднимались мы. Над нашими головами было небо настолько звездное, что здесь я впервые по-настоящему ощутил, что такое бесчисленность и бесконечность. Тропу мы освещали светом фонаря, хотя при лунном свете можно было фонарь не включать; все выглядело призрачно и загадочно.

– Ты знаешь, эта женщина сказала странную вещь, – начала Нина.

– Что-то про предсказания.

– Да, она говорит, что на Украине живет гадалка, и она предрекла, что через десять лет Украина разделится на три части. Крым станет российским, а две другие части будут жить отдельно своей жизнью.

– Какая чушь! – Над нами было неисчислимо звездное украинское небо Крыма. – Как такое может быть?! Это предсказание лежит за пределами здравого смысла, в него невозможно поверить.

– Ну не знаю, только она сказала, что точно так будет и что все уже об этом знают, – обиделась Нина. Ей почему-то очень хотелось, чтобы и я поверил в этот бред.

– Кто «все»?!

– Ну не знаю. Сказала, что точно так будет.

На этом разговор и закончился. О нем я вспомнил только в 2014 году, через десять лет после этого разговора, когда распалась Украина, а Крым перешел к России. Зря я тогда Нину обидел.

И как после этого не верить предсказателям?

Но сейчас я этого еще не знал. Через территорию Украины мы ехали в Крым. Днем дороги в этих местах очень живописны. С трудом поднимаясь вверх на холм, машина словно замирала на его вершине, а потом, разгоняясь все быстрее, весело мчалась вниз, затем, кряхтя, поднималась на следующий холм... а кругом украинские поля, деревни, реки... Все это восхищало и радовало нас. Но до Феодосии было еще далеко: от Петербурга около двух тысяч километров – приходилось добираться больше двух суток. Без остановки на ночлег проделать такой путь немислимо. Первый день был ударным. Мы выезжали в шесть вечера и ехали до вечера следующего дня с небольшими остановками, стараясь преодолеть как можно большее расстояние.

И вот я за рулем уже тридцать два часа, лимит времени и сил уже исчерпан семь часов назад, но, как назло, на пути ни одной гостиницы. Нужно было остановиться раньше, еще засветло, но азарт гнал вперед: «Сделаю еще километров восемьдесят или сто, остановимся в гостинице – тогда и отдохнем». Но вот как раз тогда-то, когда ты дошел до предела, гостиницу найти невозможно. Либо попадаютса неизвестно зачем выстроенные невдалеке от дороги дорогие отели со стоимостью проживания, как в центре Парижа с видом на Сену, либо захудалые домишки у придорожного кафе, которые сдают за почасовую оплату.

Однажды от безысходности мы ночевали в таком месте, ну и натерпелись – воспоминания омерзительные! Тогда в Крым мы ехали через Белоруссию; вероятно, на вывеске гостиницы и стоял какой-то опознавательный знак, но мы, конечно, об этом не догадывались.

– Мы бы хотели снять номер, – сказал я тетке за стойкой кафе «отеля».

– У нас почасовая оплата, – сказала она, глядя на меня бессмысленными глазами.

– А на семь часов можно?

Тетка окинула меня скептическим взглядом и пожала плечами:

– Ну, если так хочется.

Она совершенно не представляла, что можно делать с женщиной целые семь часов.

А мы представляли. Я совершенно не выспался, всю ночь мучили эротические сны – ужас! А потом всю дорогу чесался, непонятно отчего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.